

Д. Е. Фирсов

Интеллектуальная культура и социокультурные процессы начала XXI столетия

В работе анализируется роль интеллектуалов в социокультурных процессах, содержание и направленность активной общественной деятельности интеллектуального сообщества в начале XXI столетия. Сопоставляются подходы к вопросам участия в политических процессах «автономных» и «сервильных» интеллектуалов. Публичная, общественная деятельность автономного интеллектуала, мотивируемая условиями его социальной идентичности, рассматривается как форма манифестации, адресатом которой является государство. Обосновываются социокультурные проблемы, стоящие перед европейскими интеллектуалами начала XXI столетия.

Ключевые слова: интеллектуалы, социокультурные процессы, политика, власть, публичность, дискуссия.

D. E. Firsov

Intellectual Culture and Socio-Cultural Processes in the beginning of the 21st century

This scientific research analyzes participation of intellectuals in the socio-cultural processes of the 21st century. It examines the purpose of intellectuals' social activities. It compares forms of political self-determination of «autonomous» and «servile» intellectuals. Public and social activities of the Autonomous intellectual are seen as a form of manifestation. The recipient activities of intellectuals is the government. The author explores social and cultural issues facing European intellectuals of the 21st century.

Keywords: intellectuals, socio-cultural processes, politics, power, publicity, discussion.

XXI столетие – век конкуренции и успеха. Глобализационные тенденции с космическими скоростями сталкиваются в теряющем привычные контуры цивилизационном пространстве, периодически вызывая у старого мира апокалиптические ассоциации. Перманентные революции в науке и технике интенсивно смещают экономические, политические и интеллектуальные горизонты мировой цивилизации. В этом конкурентном пространстве перед реальностью новых задач неизбежно подвергается переосмыслению участие в современном социокультурном мейн-стриме многих значимых в XX в. компонентов общественного прогресса, в том числе значение такого феномена, как интеллектуальная культура.

Роль интеллектуалов как социально маркируемого сообщества, номенклатуры профессиональных корпораций, компетентных групп, общественных объединений адаптировалась к изменяющимся общественно-политическим условиям на протяжении всей европейской истории. Конъюнктурная подмена в общественном сознании хрестоматийного образа «der zerstreute Professor» «мемом» (meme) социального экстраверта-пропагандиста, вызванная европейским политическим кризисом заката XIX столетия, «окончательно» связала интеллектуала с функцией публичной дискуссии. «Социальная позиция» представителей интеллектуального сообщества

стала претендовать на значение «истины», подменяющей собой «философию старого мира».

Тот же процесс чуть позже заявил о себе в событиях русской революции 1917 г. С учетом того, что на специфику стоящих перед российскими интеллектуалами задач всегда влияли особенности их исторического взаимодействия с интеллигенцией – самовоспроизводящейся культурной общностью, ориентированной на решение гуманистическими методами задач социальной ревизии, эта тенденция подтвердила правоту «западников» в том, что Россия в своем историческом развитии очевидно связана с европейской социальной моделью.

Социокультурный сдвиг конца XIX столетия вызвал последствия, отзывавшиеся масштабными социальными резонансами на всех исторических поворотах XX в., инициировав две опасные для интеллектуалов тенденции.

Первая опасность была связана с деструктивностью «диалога» «профессиональных интеллектуалов» с борющимися на мировой идеологической сцене политическими режимами, заинтересованными в использовании культуртрегерского потенциала интеллектуального сообщества в сугубо прагматическом диапазоне инициативности «пятых колонн». Проблема личности в политике – одна из самых драматичных тем, воплотившихся в судьбах М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра и многих других заложников цивилизационной

конкуренции политической оппонентов, представлявших в XX в. две «политэкономические» модели [11].

Осуществлявшийся в русле бескомпромиссной конъюнктуры идеологический выбор европейских интеллектуалов 1930–1940-х гг. сменился в годы постепенного укрепления «железного занавеса» полномасштабными идеологическими войнами, начавшимися эпическим противостоянием «маоизма» и «маккартизма».

Инфернальные ассоциации, фаустовские мотивы неизбежно характеризовали «солидарность» политических идеологов и представителей интеллектуального сообщества. Не случайно один из двух литературных типов интеллектуала Средневековья и Нового времени воплотился в «легенде о Фаусте», развивавшейся от фольклорных антологий XVI столетия до романтических баллад А. Арнима и К. Брентано (1806 г.) и трагедии И. В. Гете (1808 г.) [3, с. 399–429]. В XX столетии эта ассоциативная «мефистофелевская» тенденция обнаружила себя сначала «в тылах» Первой мировой и затем периодически напоминала о себе на протяжении всего противостояния политических систем эпохи «холодной войны».

Вторая негативная для интеллектуального сообщества тенденция была обусловлена тем, что, выводя интеллектуалов за пределы академического кабинета, вручая ему рупор общественной дискуссии, заинтересованная в этом политическая сила самоустранялась от посреднических функций в диалоге интеллектуала с массами, партиями, идеологиями. Стремление к самостоятельной политической функции было отягощено не только опасностью идеологизации целей, но и неизбежностью изменения средств взаимодействия с аудиторией. Требовались упрощение риторических приемов, унификация и полемизация дискуссии, применение значимой для массового сознания аргументации. Развитием этой тенденции стала реанимация в рамках новых дискуссионных «площадок» своеобразного арсенала «магических средств». Общество хотело видеть в интеллектуалах новых парацельсов, готовых пожертвовать для костра общественной неудовлетворенности все заветы прошлого. Новые идеологи успешно осваивали соответствующие формы деятельности, извлекая из «генетической памяти» навыки интеллектуального и духовного патернализма. Общество приветствовало эту яркую манифестацию и с готовностью заняло позицию толпы.

Предоставляемый доступ социально и политически ангажированной части интеллектуалов к возможностям новых средств массовой информации (пресса, радио, кино и, особенно, телевидение) расколол интеллектуальные группы, обособив интеллектуальную элиту. Центр активности остальной части интеллектуального сообщества смещался на периферию социальных процессов [10, с. 292, 295–297, 303, 305, 308–309].

Очевидно, что стремление интеллектуальной и «интеллектуализированной» элиты занять спекулятивное место в политике неизбежно приводит к девальвации их деятельности до стандартов массового потребления. В этих условиях интеллектуалы становятся проводниками атавизмов мифологизированного сознания. Мифологизация культуры, истории, политики приводит к изменению отношения человека к миру в целом, к искажению в сознании масс социальной реальности, приближаемой к аксиологическим установкам, заданным основными характеристиками мифа. Принципы мифологического мышления, мифологического мировидения транслируются при этом во все сферы общественной жизни.

Смещение дискуссионного пространства интеллектуалов в сферу массовой информации выражается и в спекулятивной эксплуатации темы деятельности интеллектуального сообщества в СМИ, оперирующих в оценках обсуждаемого предмета «неявными оценочными суждениями» [1, с. 163]. Этот процесс приводит к упрощению общественном сознании целей и средств публичной деятельности интеллектуалов.

Является ли конкурентная публичная деятельность самодостаточной целью интеллектуалов? Скорее, смыслом общественной активности представителей интеллектуального сообщества должно быть противостояние деструктивным тенденциям массовой культуры [8, с. 117]. Задачей интегрирующей потенциал различных форм творчества интеллектуалов интеллектуальной культуры является преодоление атавизмов мифологизированного сознания, критическое «вытеснение» массовых культурных феноменов. Интеллектуальная культура призвана дезавуировать идеологические предпосылки появления массовой культуры. В этом аспекте раскрывается потенциал интеллектуальной культуры как *культуры социальной* [8, с. 99].

Означает ли это, что, несмотря на сложившуюся в XX столетии традицию заменять анализом политической роли интеллектуального сообще-

ства «все остальное» [1, с. 163, 168], интеллектуалы должны избегать прямого, дискуссионного участия в политике, сосредоточившись на решении вопросов, связанных преимущественно с траекторией культурной динамики?

Самоустранение интеллектуалов от политических институтов вряд ли может способствовать оптимизации общественных процессов. По форме коллективности европейские (западные) интеллектуалы являются социально активной группой (общностью) [8, с. 135]. Не случайно так удачно исторически оправданное сравнение интеллектуалов с ветхозаветными пророками [1, с. 171]. Пророческий пафос библейской эпохи связывал архаический опыт человечества с новой исторической реальностью, с европейской историей. Публичная деятельность интеллектуалов-пророков служит примером появления ярких маяков общественных движений в периоды социально-политических катастроф, культурных революций, общественных кризисов. Судьбы пророков – эпический прообраз истории интеллектуалов. Подвергаемые публичному остракизму, изгоняемые, физически и нравственно уничтожаемые мыслители-новаторы древности манифестировали требования исторической действительности. Их призывы звучали на городских площадях, в толпе. Но подлинным адресатом пророческого манифеста являлась власть, государство, политические институты.

Начиная с античного периода роль мыслителя, советника, собеседника, воспитателя, «основная мудрость (sofia)» которого заключалась «в размышлениях по поводу политики и морали», будет связываться с возможностью влияния общества в лице его наиболее достойных представителей на власть [2, с. 120; 4, с. 142–145]. В более позднюю историческую эпоху правитель и интеллектуал символически отождествятся в общественном сознании с мифологемами «философа-короля» и «короля-философа (времен просвещенного деспотизма)». «Пока существует и будет существовать все еще не теряющая своей силы фигура профессионального политика, – писал Н. Боббио, – это не может не вызвать сохранения рядом с ней почти ее отражения: фигуры профессионального интеллектуала» [1, с. 169].

Публичная, общественная деятельность интеллектуала, мотивируемая условиями его социальной идентичности, реализуемая на основании поэтапного ответственного выбора, селекции альтернатив самоопределения, обращена к реальной политической силе, к государству. Независимо от того, в какой форме реализуется социальная активность сознающих свою историческую ответственность интеллектуалов, она всегда является, по сути, политической инициативой [8, с. 82].

Перед европейскими интеллектуалами начала XXI столетия по-прежнему стоит ряд задач, связанных с современной социокультурной динамикой. Решение этих вопросов требует активного взаимодействия с политическими институтами, усилий по преодолению негативных общественных тенденций.

Внутри европейского сообщества актуальные проблемы, требующие активного участия интеллектуальных сил, выражаются в усиливающихся симптомах нестабильности самой концепции объединения Европы на основаниях политического, рыночного и культурного паритета. Проявляются эти симптомы в обострении вопросов экономической интеграции, в проблемах администрирования на уровне ЕС, в заявляющих о себе парадоксах идеологии «мультикультурализма» – одного «из самых дискуссионных концептов современной политической мысли» [6, с. 161].

Если экономические и административные проблемы ЕС лежат в большей степени в сфере ответственности компетентных групп профессиональных эрудитов, то влияние на культурные процессы, несомненно, требует активного участия интеллектуалов. Тем более что «мультикультурализм с его ценностным универсализмом и мозаичным видением политической общности стал адекватным преломлением постмодернистской философии в сфере этнополитического менеджмента» [7, с. 17]. При этом на практике «ни одна из западноевропейских стран не может похвастаться удачными, целостными концепциями иммиграционной и интеграционной политики» [5, с. 79].

Закономерно, что заявляемые сторонниками мультикультурной политики социокультурные преимущества интеграции перестают быть единственным фактором даже с точки зрения формального единства Европы [6, с. 161]. Не случайно нарастающая неудовлетворенность членов ЕС существующими тенденциями реализовалась в опыте «Brexit» – текущем событии, причины и последствия которого также предстоит осмыслить европейским интеллектуалам.

Политико-экономические и социокультурные противоречия отражаются на функционировании традиционных европейских институтов, угрожают кризисом процессов духовного воспроизвод-

ства общества, дестабилизацией в сфере религиозно-конфессиональных отношений, образования, стандартов социальной поддержки.

На уровне внешнеполитических процессов современного Европейского сообщества актуальным представляется консолидированное взаимодействие представителей интеллектуальных сообществ, направленное на преодоление негативных тенденций втягивания народов Европы в новый этап «холодного» противостояния. В целом, одной из ведущих задач интеллектуалов в современном мире является противостояние разрушению исторически обусловленных отношений на международной арене.

В настоящих условиях вопрос участия интеллектуалов в политике правильнее формулировать как задачу выбора способов взаимодействия со структурой власти.

Исторически обусловленный подход к решению данной задачи связывается с деятельностью автономных интеллектуалов, руководствующихся в своем выборе предпочтением единой общественной силы, имеющей реальный потенциал практических решений в вопросах прогресса. Автономность (самоопределенность) интеллектуала в этом случае обусловлена его сознательным, ответственным, исторически оправданным выбором. Автономные интеллектуалы последовательно реализуют потенциал социальной идентичности в условиях конкретных общественно-политических процессов.

Противоположностью автономным интеллектуалам являются «сервильные» интеллектуалы, исходящие в решении задач самоопределения из подчинения их интересам частных лиц, ангажированных общественных групп, партий, движений в целях взаимной выгоды. Сервильные интеллектуалы составляют класс профессиональных, наемных политических технологов, в отношении которых критерии социальной и исторической идентичности утрачивают свою актуальность [8, с. 86–91].

Целью автономных интеллектуалов в политике является задействование ресурсов власти для решения наиболее значимых социальных и культурных проблем, стоящих перед обществом на конкретном историческом этапе. Их вовлеченность в политический процесс опосредована государственными институтами, общественными организациями, профессиональными сообществами.

Присутствие интеллектуалов в политическом регистре общественных процессов является

профилактикой маргинализации интеллектуальных групп. Их активное участие в процессах управления дистанцирует «highbrow» от неприемлемых в общественном сознании позиций социофобии и социопатии.

Таким образом, активное участие интеллектуалов в современных социокультурных процессах наиболее продуктивно реализуется посредством привлечения автономного интеллектуального ресурса к регулированию механизмов государственных институтов, к модерации информационных ресурсов, к управлению общественным развитием.

Индивидуальные подходы интеллектуалов к участию в общественно-политических процессах формируют пространство интеллектуальной культуры. Интеллектуальная культура отчасти сближается с культурой политических или творческих элит, коррелирующих, в частности, в оппозиционности массовой культуре. Интеллектуальная культура чужда различным формам «утопической духовности», специфичной для социально отчужденных слоев общества. Как социальная культура, культура интеллектуальная транслирует ответственный выбор интеллектуалов, их социальную идентичность.

Интеллектуальная культура служит средством демифологизации массового сознания, выявляя, таким образом, объективные закономерности социально-исторического развития и выступая как полноценный элемент социальной действительности [8, с. 136].

В информационном пространстве начала XXI столетия тема участия интеллектуалов в социокультурных процессах занимает сравнительно небольшой сегмент новостного и дискуссионного поля. Это не означает исключенности из мейнстрима общественно-политической жизни интеллектуального сообщества. Потенциал экспертной компетентности интеллектуалов, реализуемый через политические институты современного общества, по-прежнему направлен на оптимизацию социокультурных процессов. Именно эта задача и решается представителями интеллектуальной культуры на протяжении всей европейской истории.

Библиографический список

1. Боббио, Н. Интеллектуалы и власть [Текст] / Н. Боббио // Вопросы философии. – 1992. – № 8. – С. 162–171.
2. Гудков, Л. Д., Дубин, Б. В. Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях [Текст] / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин. – СПб., 2009. – 304 с.

3. Жирмунский, В. М. История легенды о Фаусте [Текст] / В. М. Жирмунский // Легенда о докторе Фаусте. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – С. 357–505.

4. Корецкая, М. Интеллектуалы и власть. Эпизод I: кризис античной пайдеи [Текст] / М. Корецкая // Интеллигенция. Интеллектуалы. Университет: теоретический альманах «Res cogitans № 6». – М., 2009. – С. 142–150.

5. Погорельская, С. В. Германия и мультикультурализм [Текст] / С. В. Погорельская // Актуальные проблемы Европы. – 2011. – № 4. – С. 79–116.

6. Семенов, И. Мультикультурализм перед вызовами кризисного развития [Текст] / И. Семенов // Год планеты: Ежегодник. – Вып. 11. – М., 2011. – С. 161–173.

7. Тэвдой-Бурмули, А. И. Мультикультурализм: Между панaceей и проклятием [Текст] / А. И. Тэвдой-Бурмули // Актуальные проблемы Европы. – 2011. – № 4. – С. 14–34.

8. Фирсов, Д. Е. Европейский интеллектуализм: социокультурная стратегия [Текст] / Д. Е. Фирсов. – Ярославль : Аверс Плюс, 2012. – 152 с.

9. Шарль, К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века [Текст] / К. Шарль. – М. : Новое издательство, 2005. – 328 с.

10. Ясперс, К. Хайдеггер [Текст] / К. Ясперс // Фауст и Заратустра. – СПб. : Азбука, 2001. – С. 142–159.

Bibliograficheskij spisok

1. Bobbio, N. Intelletkualy i vlast' [Tekst] / N. Bobbio // Voprosy filosofii. – 1992. – № 8. – S. 162–171.

2. Gudkov, L. D., Dubin, B. V. Intelligencija: Zametki o literaturno-politicheskikh illjuzijah [Tekst] / L. D. Gudkov, B. V. Dubin. – SPb., 2009. – 304 s.

3. Zhirmunskij, V. M. Istorija legendy o Fauste [Tekst] / V. M. Zhirmunskij // Legenda o doktore Fauste. – M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1958. – S. 357–505.

4. Koreckaja, M. Intelletkualy i vlast'. Jepizod I: krizis antichnoj pajdeji [Tekst] / M. Koreckaja // Intelligencija. Intelletkualy. Universitet: teoreticheskij al'manah «Res cogitans #6». – M., 2009. – S. 142–150.

5. Pogorel'skaja, S. V. Germanija i mul'tikul'turalizm [Tekst] / S. V. Pogorel'skaja // Aktual'nye problemy Evropy. – 2011. – № 4. – S. 79–116.

6. Semenenko, I. Mul'tikul'turalizm pered vyzovami krizisnogo razvitija [Tekst] / I. Semenenko // God planety: Ezhegodnik. – Vyp. 11. – M., 2011. – S. 161–173.

7. Tjevdoj-Burmuli, A. I. Mul'tikul'turalizm: Mezhdru panaceej i prokljatiem [Tekst] / A. I. Tjevdoj-Burmuli // Aktual'nye problemy Evropy. – 2011. – № 4. – S. 14–34.

8. Firsov, D. E. Evropejskij intellektualizm: soci-okul'turnaja strategija [Tekst] / D. E. Firsov. – Jaroslavl' : Avers Pljus, 2012. – 152 s.

9. Sharl', K. Intelletkualy vo Francii: Vtoraja polovina XIX veka [Tekst] / K. Sharl'. – M. : Novoe izdatel'stvo, 2005. – 328 s.

10. Jaspers, K. Hajdegger [Tekst] / K. Jaspers // Faust i Zaratustra. – SPb. : Azbuka, 2001. – S. 142–159.